Original: https://www.colta.ru/articles/society/15900

Conducted via Skype by Dmitri Lebedev (August 31, 2017)

Герт Ловинк: «Платформы типа Facebook — это трагический момент»
Знаменитый теоретик соцсетей — о гибельной централизации платформ и о том, как нам искать спасение в локализме, замедлении и «цифровой тени»

текст: Митя Лебедев

14 сентября в Екатеринбурге начнется IV Уральская индустриальная биеннале — центральное событие в мире современного искусства Урало-Сибирского региона. В этом году она посвящена новой грамотности в мире постоянно развивающихся медиатехнологий. На симпозиум, открывающийся при биеннале, приезжают интересные гости, теоретики медиа, искусства и технологий. Кольта решила поговорить с несколькими его участниками.

Первый — Герт Ловинк, голландский активист и теоретик, основатель Института сетевых культур в Амстердаме, организатор множества ключевых событий в мире медиаарта, включая Ars Electronica (1996, 1998), автор концепций «тактических медиа» и «организованных сетей». Несколько важнейших работ Ловинка по теории медиа и сетевой культуре, в том числе «Networks without a Cause» (2012) и «Social Media Abyss» (2016), стали ключевыми для критического анализа соцсетей. С Ловинком поговорил Митя Лебедев.

— Пять лет назад в связи с *Occupy* и «арабской весной» были тысячи восторженных комментариев по поводу прогрессивного характера социальных сетей. Сегодня, после Трампа и Брексита, ситуация внезапно развернулась на 180 градусов, и сети как будто бы никогда и не были прогрессивными.

— В районе 2011 года мы видели, как цифровые сети с их способами коммуникации и шерингом соединяются и совпадают с реальными политическими событиями. Это хорошо показано в книге Пауло Гербаудо «Твиты и улицы». Такие процессы были известны как сетевые эффекты еще до того, как начали употреблять термин *scaling up*, когда небольшая инициатива резко становится масштабной. Сеть, пусть даже очень маленькая — 20, 200 или 2000 человек, неважно, —

самостоятельно растет и трансформируется в событие. Но все это — история пятилетней давности.

Если угодно, мы достигли сейчас максимального уровня глобализации. Мы говорим с тобой по скайпу, видим друг друга, используем похожие компьютеры, похожий софт, находимся на максимальном уровне интеграции. Всегда можно сказать: «Эта интеграция будет продолжаться и дальше», — но это, конечно, наивная либеральная мечта.

Сегодня в связи с Трампом и манипуляциями *Cambridge Analytica* мы видим конечную точку таких процессов, и эта конечная точка — централизованная платформа вроде *Facebook*. В такой платформе делезианская идея сетевой структуры как бы преодолевается гегельянской логикой.

Очевидно, что Трамп и правая повестка стали слишком серьезной силой. И то, что называется великой регрессией или «цифровым термидором», является, на самом деле, ответом на эту беспрецедентную централизацию. Именно в этом смысле Трамп — это результат интернета как капитализма платформ. Если в горизонтальной логике сетей Трамп разговаривал бы только со своими мутными альт-правыми, все было бы отлично, и мы бы не беспокоились. Но благодаря централизации он в режиме реального времени разговаривает со всем миром, говорит со всеми. Нет фильтров, нет разных уровней, а значит, и нет собственно сетей.

Это трагический момент, потому что ничего такого не должно было никогда произойти. Главным мотивом диджитализации, самой технологической сутью феномена сетей было то, что такая централизация невозможна, но она тем не менее случилась. Внезапно все оказалось на более высоком уровне синтеза.

— И как тут быть?

— Мы можем сказать совершенно определенно, что тяжелая экономическая рецессия или мировая война разорвет глобальные платформы на части. Эти сценарии точно убьют централизацию. Но вопрос в том, можем ли мы как-то иначе обратить этот процесс. Можем ли мы буквально, на физическом уровне деконструировать централизованные платформы и вернуться к сетям, перестроить саму их

логику.

— Хотя в каком-то смысле сети вроде *Occupy* или испанской *Indignados* никогда и не были горизонтальными.

— Конечно, нет, и именно поэтому самая главная задача — это переизобрести сети, потому что мы больше не знаем, что это значит. Вопрос еще состоит и в том, можем ли мы создать новую «цифровую тень», в которой могут рождаться и развиваться новые идеи и знания. В настоящий момент это невозможно, люди не видят ничего именно потому, что все слишком прозрачно и видимо: все доступно для слежки, все коммодифицировано, все может быть украдено и скопировано. Эта прозрачность дает огромную власть, но лишь небольшому количеству людей. Обычные люди в лучшем случае стараются идти в ногу и подстраиваться как могут под этот информационный ритм.

— Ну, кто-то скажет, что сегодня каждый сам себе куратор и редактор, вполне в духе неолиберальной логики личной ответственности.

— Да, но в такой ситуации я как бы обязан знать об урагане «Харви» в Хьюстоне. А что, если я хочу жить в мире, где я вообще не узнаю о таких вещах? Кто-то скажет: да, но этот ураган наверняка повлияет на цены на нефть, и с утра, когда ты выйдешь на улицу и поедешь на своей машине на заправку, тебе придется столкнуться с результатом этого урагана, нравится тебе это или нет.

Но что это вообще за логика? Это почти что плен, когда информация не дает тебе власть, а прибирает тебя к рукам. Проблема в том, что мир информации захватывает нашу жизнь. Мы можем реагировать на это, но мы не можем иметь свою программу, свой план действий. В большинстве случаев информация переливается через край, и мы с этим не можем совладать. Нам нужно уменьшить масштаб *(scale back)*, создать информационную экологию, которая была бы более управляемой.

— У правых при этом получается создать свою программу внутри этой медиасистемы — тут на ум сразу приходит цифровой популизм: голландский правый блог *GeenStijl*, итальянская партия «Движение пяти звезд», путинские проплаченные тролли и так далее.

— Да, единственным ответом для многих остается цифровой популизм — с его разделением на своих и чужих. При этом либералы-глобалисты подталкивают нас и дальше в сторону централизации. Сложилась странная ситуация: с одной стороны, централизация сетей в форме больших платформ, а с другой — масштабный ресентимент как реакция на эту централизацию. Но мы не должны поддерживать ни одну из этих опций.

— И все-таки какие альтернативы изобретаются уже сегодня?

— Раз мы переполнены информацией в реальном времени, которая поступает со всего мира, нам необходимо то, что мы с Недом Росситером называем организованными сетями, — более полезные социальные ячейки, внутри которых мы — ты и я — могли бы собираться, вместе работать и производить новое знание.

Кроме того, если в целом посмотреть на Европу, то самое интересное обязательно происходит на локальном уровне. Речь идет о проектах, глубоко укорененных в местных комьюнити, когда не предпринимается никаких попыток вывести эти идеи и практики на более высокую ступень. Это довольно любопытно, потому что локальные решения сегодня — это то, во что люди действительно верят. Скажем, в Южной Европе нет никакой перспективы решить проблемы простых людей на национальном или интернациональном уровне, на уровне ЕС. Эти опции заблокированы, поэтому люди начинают работать в самом низу: на улицах, в своих районах они начинают конкретные проекты по поддержке беженцев, строительству жилья и созданию рабочих мест.

В обычной логике стартапов всегда был необходим моментальный рост. Нельзя представить себе стартап-философию, согласно которой рост должен составлять порядка 2% в год. При этом для первой фазы локальных экспериментов очень важно как раз не расти резко. Было бы интересно увидеть локальные инициативы, которые смогли бы создать для себя временные автономные зоны и экспериментировать, сопротивляясь этой логике моментального роста. Если у нас есть хорошая идея, нам надо сначала протестировать ее, а не раздувать тут же до невиданных размеров и экспортировать на глобальный уровень.

Я не то чтобы поклонник такого локализма, но я и не верю, как, например, акселерационисты, что мы все еще можем выдвигать широкие требования. Но, скажем, если речь идет о глобальном

потеплении — как быть в таком случае?

— Идея автономизма в свое время выросла как раз из недоверия к масштабным общественно-политическим проектам.

— В настоящий момент никакой автономии нет, так что вопрос как раз в том, как ее создать или воссоздать. Новые формы криптографии и криптоавтономии могут дать необходимое свободное пространство. Другая очевидная задача — создание новых форм жизни офлайн, способных преодолеть логику записывающих все наши действия машин. Можно сказать, что это романтическая идея. Но регрессивная ли она?

— При этом мы видим целую цепочку государственных решений: ЕС штрафует *Google* и *Apple*, в Германии принимают закон о чистке соцсетей от ненависти, который потом копируют в России.

— Одна из проблем национальных решений в том, что они не дают никакого пространства для новых инициатив и проектов. Эти решения были бы хороши, если бы они создавали зоны для новых сетевых экспериментов, но этого нет. Я повторюсь: на планетарном уровне централизованная платформа — это конечная точка развития. Мы должны изобрести новые формы социальности, новые формы совместной жизни. Нужно развивать спекулятивную сторону социального.